

Международная Объединенная Академия Наук

**Научные тенденции:
Филология, Культурология,
Искусствоведение**

Сборник научных трудов

**по материалам
XIV международной научной конференции**

26 ноября 2018 г.

Санкт-Петербург 2018

УДК 001.1
ББК 60

Н34

Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение. Сборник научных трудов, по материалам XIV международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург 26.11.2018 г. Изд. ЦНК МОАН, 2018. – 36 с.

SPLN 001-000001-0359-FF
DOI 10.18411/spc-26-11-2018
IDSP spub-26-11-2018

В сборнике научных трудов собраны материалы из различных областей научных знаний. В данном издании приведены все материалы, которые были присланы на XIV международную научно-практическую конференцию **Научные тенденции: Филология, Культурология, Искусствоведение**

Сборник предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в сборнике, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) и наукометрическую базу SPINDEX

Электронная версия сборника доступна на сайте ЦНК МОАН. Сайт центра: conf.sciencepublicru

УДК 001.1
ББК 60

SPLN 001-000001-0359-FF

<http://conf.sciencepublic.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ	4
Акопян А.В. Кластеризация конъюнктивных, дизъюнктивных и имплицативных высказываний	4
Малярчук-Прошина У.О., Жирнова В.И. Экспрессивно-оценочная лексика в средствах массовой информации на примере издания «Комсомольская правда»	8
Малярчук-Прошина У.О., Жирнова В.И. Методология применения средств речевого воздействия в СМИ на примере издания «Первая крымская»	12
Молчанова А.А. Манипулятивный аспект в репрезентации Brexit.....	16
Литвиненко Е.Ю., Федорова Л.Ю. Особенности иноязычных заимствований в области защиты информации.....	18
Mironenko V.V. Linguistic characteristics of political foreign language	24
РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ	26
Бабошко Е.Ю. Экспликация проблемы современности. Общефилософский и историко-культурный подходы	26
РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	31
Сейтмететова Э.А. Педагогическое обеспечение процесса формирования коммуникативной компетентности дирижера-хормейстера.....	31

РАЗДЕЛ I. ФИЛОЛОГИЯ

Акопян А.В.

Кластеризация конъюнктивных, дизъюнктивных и имплицативных высказываний

*Ереванский государственный университет
(Республика Армения, Ереван)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-01

idsp: spub-26-11-2018-01

Аннотация

Представлена новая кластеризация соединительных и разделительных сложносочиненных и условных сложноподчиненных предложений по истинностным признакам, которым соответствуют конъюнктивные, дизъюнктивные, строго разделительные и имплицативные высказывания. Выделено по 16 кластеров для каждого типа высказываний.

Ключевые слова: кластер, конъюнкция, дизъюнкция, импликация, высказывание.

Abstract

The article presents a new clustering of conjunctive, disjunctive, strictly separating and implicative statements on the grounds of the truth sign correspond to connecting and separating complex sentences. 16 clusters for each type of statements have been identified.

Key words: cluster, conjunction, disjunction, implication, statement.

Сложносочиненные предложения с соединительным и разделительным значениями и сложноподчиненные предложения с условным значением, являясь особыми структурно-семантическими единицами в языке, характеризуются определенными признаками и характеристиками составляющих их простых предложений. Для глубокого системного и структурного детального исследования рассматриваемых языковых единиц предлагается кластеризация сложных предложений по различным формально-содержательным свойствам и характеристикам, основанная на взаимосвязи лингвистических и логических понятий. При проведении кластеризации возникает необходимость использовать семантическую информацию, зачастую заключенную в контексте, и при анализе языковых конструкций мы считаем целесообразным применение не моделей двузначных булевых функций, а их обобщений – не всюду определенных булевых функций, являющихся, фактически, трехзначными функциями, принимающими три значения: не определена, определена и принимает ложное значение, определена и принимает истинное значение [1]. Естественный язык является достаточно сложным по своей семантической и композиционной структуре и отличается «такой неясностью и неопределенностью в выражении "смысла", что никакая двузначная логика не способна справиться с созданием искусственного двойника естественного языка» [2, с. 239]. Чтобы определить, какая обобщенная функция представлена в каждом конкретном рассматриваемом нами сложном предложении, необходимо, учитывая лингвистические свойства составляющих простых предложений, выявить внутреннюю, зачастую неявную функциональную связь и одновременную модальную характеристику между суждениями обеих частей. «Структурно-семантический анализ простого предложения представляется необходимым этапом на пути к исследованию сложного предложения» [3, с. 321].

При определении обобщенной функции, используемой при последующей кластеризации, необходимо учитывать следующие шесть логически возможных вариантов, когда каждое из составляющих суждений A или B

- а) может принимать как ложное, так и истинное значение;
- б) является контекстуально ложным суждением [л];
- в) является контекстуально истинным суждением [и];
- г) является абсолютно ложным суждением;
- д) является абсолютно истинным суждением;
- е) невозможно определить истинность или ложность суждения.

Если одно из составляющих суждений A или B является абсолютно ложным (или абсолютно истинным), то обобщенная функция становится неопределенной на тех наборах, где A или B могло бы принять, соответственно, истинное (или ложное) значение. Если невозможно определить истинность или ложность хотя бы одного из суждений, составляющих сложное высказывание, то все высказывание мы можем считать неопределенным.

Итак, при анализе рассматриваемых предложений русского языка мы предлагаем применить логические функции, которые могут быть определены или не определены на возможных наборах истинности. Взаимосвязь логически возможных в действительности ситуаций в предложениях является исходным положением референциальной теории семантики, согласно которой, чтобы проанализировать предложение, необходимо «знать, какое положение вещей имеет место в случае его истинности» [4, с. 14].

Нами ранее было показано, что каждое из рассматриваемых двучленных сложных высказываний имеет по 16 обобщений [1]. Исходя из этого, введем следующие определения и соответствующие обозначения, в которых $i = 1, 2, \dots, 16$: $K(i)$, $D(i)$, $CD(i)$, $I(i)$ – классы двучленных сложносочиненных предложений с соединительным союзом *и*, разделительным союзом *или*, разделительным союзом *или ... или*, сложноподчиненных предложений с условным союзом *если* (соответствующие высказывания которых описываются i -тыми обобщенными функциями конъюнкции, дизъюнкции, строго-разделительной дизъюнкции и импликации). Полученные 64 класса объединим в 16 кластеров. Высказывания всех классов, входящих в один и тот же кластер, должны быть определены на одинаковых наборах истинности, а в предложениях, соответствующих этим высказываниям, описываются одни и те же типы возможных в действительности взаимосвязей ситуаций.

Кластер 1. Высказывания определены на всех возможных наборах истинности.

$K(1)$ Наступила осень, и начался листопад.

$D(1)$ Начался листопад, или наступила осень.

$CD(1)$ Наступила ли осень, или нагрянула зима.

$I(1)$ Если начался листопад, то наступила осень.

Суждения в высказываниях этого кластера могут принимать как ложные, так и истинные значения, поскольку их истинность или ложность контекстуально не подтверждена. Этим объясняется ограниченное количество таких высказываний в устной или письменной речи.

Кластер 2. Высказывания определены на наборах

$$(A - л и B - и), (A - и и B - л), (A - и и B - и).$$

Классами этого кластера являются $K(2)$, $D(2)$, $CD(2)$ и $I(2)$. В суждениях высказываний этого кластера предполагается логическая или контекстуальная невозможность одновременной ложности A и B .

Кластер 3. Высказывания определены на наборах

$$(A - л и B - л), (A - и и B - л), (A - и и B - и).$$

Классами этого кластера являются $K(3)$, $D(3)$, $CD(3)$ и $I(3)$. В суждениях высказываний этого кластера предполагается логическая или контекстуальная невозможность взаимосвязи ситуаций, когда A принимает ложное значение, а B – истинное.

Кластер 4. Высказывания определены на наборах

$$(A - л и B - л), (A - л и B - и), (A - и и B - и).$$

Классами этого кластера являются $K(4)$, $D(4)$, $CD(4)$ и $I(4)$. В суждениях высказываний этого кластера предполагается логическая или контекстуальная невозможность взаимосвязи ситуаций, когда A принимает истинное значение, а B – ложное.

Кластер 5. Высказывания определены на наборах

$$(A - л и B - л), (A - л и B - и), (A - и и B - л).$$

Классами этого кластера являются $K(5)$, $D(5)$, $CD(5)$ и $I(5)$. В суждениях высказываний этого кластера предполагается логическая или контекстуальная невозможность одновременной истинности A и B .

Высказывания кластеров 2 – 5 в речи встречаются достаточно редко, поскольку логически они не определены только на одном наборе истинности.

Кластер 6. Высказывания определены на наборах истинности

$$(A - и и B - л), (A - и и B - и).$$

$K(6)$ Ему нужно сделать укол [и], и он поправится.

$D(6)$ Ему сделают укол [и], или он еще чувствует себя плохо.

$CD(6)$ Или ему сделали укол [и], или он сам успокоился.

$I(6)$ Если ему сделать укол [и], то он поправится.

Кластер 7. Высказывания определены на наборах истинности

$$(A - л и B - и), (A - и и B - и).$$

$K(7)$ А вот и сентябрь, и осень наступила [и].

$D(7)$ Пошли дожди, или осень наступила [и].

$CD(7)$ Лето не кончилось, или осень наступила [и].

$I(7)$ Если пошли дожди, то осень наступила [и].

Кластер 8. Высказывания определены на наборах истинности

$$(A - л и B - и), (A - и и B - л).$$

$K(8)$ Будем говорить поочередно: сначала я, а потом вы, и, наоборот, сначала вы, а потом я.

$D(8)$; $CD(8)$ Будем говорить поочередно: сначала я, а потом вы, или, наоборот, сначала вы, а потом я. (Куприн «Мелюзга»)

Отметим, что, исходя из контекста будем говорить поочередно, невозможна одновременная истинность или ложность составляющих суждений *A* и *B*.

I(8) Если сначала буду говорить я, а потом вы, то можно и наоборот, сначала вы, а потом я.

Кластер 9. Высказывания определены на наборах истинности

$(A - л и B - л), (A - и и B - и).$

K(9) Слегка покачиваясь на мягких рессорах экипажа и не слыша более страшных звуков толпы, *Расстончин* физически успокоился, и, как это всегда бывает, одновременно с физическим успокоением ум подделал для него и причины нравственного успокоения. (*Л.Толстой «Война и мир»*)

Д(9) Он физически успокоился, или его ум одновременно подделал для него причины нравственного успокоения.

СД(9) Или он физически успокоится, или его ум одновременно подделает для него причины нравственного успокоения.

И(9) Если он физически успокоится, то его ум одновременно подделает для него причины нравственного успокоения.

Кластер 10. Высказывания определены на наборах истинности

$(A - л и B - л), (A - и и B - л).$

K(10) Человек хуже зверя, и я его убиваю [л].

Д(10); СД(10) Или человек хуже зверя, или же я его убью [л].

И(10) Если человек хуже зверя – я его убиваю [л]. (*Гиптиус*)

Кластер 11. Высказывания определены на наборах истинности

$(A - л и B - л), (A - л и B - и).$

K(11) Бабы в политику вяжутся [л], и бабья обиженность есть.

Д(11); СД(11) Или бабы в политику вяжутся [л], или бабья обиженность есть.

И(11) Если бабы в политику вяжутся [л], значит, бабья обиженность есть. (*Евтушенко*)

Кластер 12. Высказывания определены на наборе истинности $(A - и и B - и).$

K(12) Ей черное так к лицу [и], и действительно она так похорошела [и].

Д(12) Или ей черное так к лицу [и], или действительно она так похорошела [и], и я не заметила. (*Л.Толстой «Война и мир»*)

СД(12) Ей черное к лицу [и], или она подурнела [и].

И(12) Если ей черное так к лицу [и], то зеленый ей тоже подойдет [и].

Кластер 13. Высказывания определены на наборе истинности $(A - и и B - л).$

K(13) Погода была особенно гадкая, петербургская [и], и весеннее солнце ярко освещало макушки деревьев.

Д(13); СД(13) Погода, что ли, была такая особенно гадкая, петербургская [и], или дела отечественные не веселили ... неизвестно. (*Куприн «Однорукий комендант»*)

И(13) Если погода была особенно гадкая, петербургская [и], то весеннее солнце ярко освещало макушки деревьев.

Кластер 14. Высказывания определены на наборе истинности $(A - л и B - и).$

K(14) Еще слышалось где-то топанье, что-то похожее на ропот отдаленного моря [л], и скоро все стало пусто и глухо [и]. (*Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки»*)

Д(14); СД(14) Или слышалось что-то похожее на ропот отдаленного моря [л], или скоро все стало пусто и глухо [и].

И(14) Если и слышалось что-то похожее на ропот отдаленного моря [л], то скоро все стало пусто и глухо [и].

Кластер 15. Высказывания определены на наборе истинности (А – л и В – л).

*К(15) Мы очень первобытны [л], и в нас очень много растительного [л].
Д(15); СД(15) Должно быть, мы еще очень первобытны [л], или в нас еще очень много растительного [л]. (А. Толстой. Из письма)*

И(15) Если мы еще первобытны [л], то в нас еще много растительного [л].

Кластер 16. Высказывания не определены ни на одном наборе истинности.

К(16) Может, она еще сохранила в своей памяти образ моряка, и ее внимание к его семье было дружеской благодарностью за прошлое счастье.

Д(16); СД(16) Я не мог понять и не допытывался: сохранился ли еще в ее памяти любовный образ прекрасного моряка, или ее внимание к умершему и к его семье было дружеской спокойной благодарностью за прошлое счастье. (Куприн «Колесо времени»)

И(16) Если она еще и сохранила в своей памяти образ моряка, то ее внимание к его семье, возможно, было дружеской благодарностью за прошлое счастье.

Следует отметить, что, поскольку некоторые обобщенные функции могут совпадать, соответствующие им высказывания одного и того же кластера семантически сближаются. В частности, конъюнктивные высказывания могут сближаться как с имплицативными (кластеры 6, 12, 13 и 16), так и с дизъюнктивными (кластеры 9, 12, 15 и 16) высказываниями.

Таким образом, в проведенной кластеризации существенную роль играет непосредственно связанная с логическим строем мышления модальная характеристика высказывания, что в зависимости от контекста, коммуникативной цели и эмоционального отношения говорящего к содержанию может позволить отнести одно и то же высказывание к разным кластерам.

1. Акопян А.В. Определение информационных параметров языковых конструкций. Вестник Национального политехнического университета Армении. Информационные технологии, электроника, радиотехника. Ереван: 2017, № 2. С. 43 – 51.
2. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. М.: Просвещение, 1968.
3. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М.: Наука, 1973.
4. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью. (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.

Малярчук-Прошина У.О., Жирнова В.И.

Экспрессивно-оценочная лексика в средствах массовой информации на примере издания «Комсомольская правда»

*ТА (структурное подразделение) КФУ имени В. И. Вернадского
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-02

ids: spub-26-11-2018-02

Аннотация

Экспрессивно-оценочная лексика широко распространенный и наиболее доступный инструмент, позволяющий передать отношение к происходящему человека, который говорит или пишет. Эмоциональный посыл автора способен изменить взгляд общественности на проблему, такие приемы речевого воздействия активно используются СМИ и не всегда соответствуют литературным нормам. В этой статье

рассмотрены варианты использования экспрессивно-оценочной лексики на примере издания «Комсомольская правда».

Ключевые слова: Экспрессивно-оценочная лексика, СМИ, воздействие, эмоциональность.

Abstract

Expressive and evaluative vocabulary is a widespread and most accessible tool that allows you to convey the attitude to what is happening to the person who speaks or writes. The author's emotional message is capable of changing the public's view of the problem; such methods of speech influence are actively used by the media and do not always meet literary norms. This article discusses the use of expressive-evaluative vocabulary on the example of the Komsomolskaya Pravda edition.

Keywords: Expressive evaluative vocabulary, media, exposure, emotionality.

Экспрессивность означает «эмоциональность», из этого следует, что экспрессивно-оценочная лексика – это эмоционально-окрашенные выражения, служащие для передачи в речи внутреннего отношения автора. В наиболее частых случаях, эмоциональная характеристика слова указывает на отношение говорящего к чему-то, то есть на оценочный признак, однако, следует отметить, что некоторые экспрессивно окрашенные слова не содержат оценки, но могут приобрести оценочный признак благодаря контексту, в котором они использованы. При использовании исключительно вербальной коммуникации экспрессивно-оценочная лексика является способом олицетворения эмоционального настроения автора перед аудиторией, что дает возможность более точного воздействия.

Словарь лингвистических терминов Т. В. Жеребило трактует эмоционально-оценочное слово, как лексическую единицу, включающую в себя элемент оценки. Слова с эмоциональной окраской могут включать разнообразные оттенки, эта окраска, как правило, устойчива, поскольку возникает в результате того, что само значение слова содержит элемент оценки: название предмета или явления, действия, признака осложняется оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению [2].

Стоит отметить, что понятие экспрессивности и оценочности, хоть и тесно связаны, но не тождественны. Особенность эмоционально-оценочной лексики в том, что эмоциональная окраска «накладывается» на лексическое значение слова, но не становится им, то есть денотативное значение слова осложняется коннотативным [5].

Особенность нашего языка в том, что в разных словах может преобладать либо эмоциональная составляющая, либо оценочная, однако разграничивать эти два понятия не представляется возможным, поэтому мы говорим об экспрессивно-оценочной лексике.

Наиболее распространена классификация эмоционально-экспрессивной лексики на две основных категории:

- Лексика, которая указывает на отрицательную оценку.
- Лексика, которая указывает на положительную оценку.

Состав экспрессивной лексики принято разделять на такие разновидности:

1. Однозначное слово с ярким оценочным значением, слово, дающее характеристику либо оценку: тихоня, чистюля, злюка, милашка, дивный, рукотворный, восхитительный.
2. Многозначное слово, без признаков экспрессии в их основном значении, но приобретающие эмоциональную составляющую при использовании в переносном смысле: зайчик, пень, тряпка, мышь и т.д.
3. Слова, которые приобретают эмоциональный окрас благодаря словообразованию, а именно суффиксам субъективной оценки: дедуля, остороженько, рядышком, детина.

Иноязычные слова также могут служить одним из методов выражения экспрессии. К сожалению, истинное значение заимствованных слов не всегда понятно, но стремление к моде все чаще заставляет пользоваться иноязычной лексикой. Оценочность языковых средств СМИ стремится дать характеристику тому или иному явлению, поэтому смысл заимствованных слов часто усложняется, при том, что истинное значение этих слов могло быть нейтрально либо противоположно. Слово *шоу* не имеет в первоначальном значении эмоционально-оценочной составляющей, но у нас оно приобретает негативное значение. В частности, в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, 1993 *шоу* фиксируется в переносном значении: «Нечто показное, рассчитанное на шумный внешний эффект» [4].

Стоит разделять понятия экспрессивно-оценочной лексики и просторечий. При употреблении эмоционально-оценочной лексики необходимо обращать внимание на употребляемые в речи слова, являются ли они литературными, ведь очень легко пересечь допустимые границы и начать использовать нелитературные выражения, что в большинстве случаев недопустимо перед аудиторией. Я считаю, определение Сорокина Ю. С. дает исчерпывающее объяснение значению и месту просторечий в русском языке, он говорит, что просторечие – одна из форм национального языка, наряду с диалектной, жаргонной речью и литературным языком; вместе с народными говорами и жаргонами составляет устную неcodифицированную сферу общенациональной речевой коммуникации – народно-разговорный язык; имеет наддиалектный характер. Просторечие, в отличие от говоров и жаргонов, – общепонятная для носителей национального языка речь, поэтому важно отличать просторечие от экспрессивной лексики [6].

Экспрессивно окрашенные слова допускаются в литературный язык, их применение оживляет и придает тексту особенное настроение, которое должна уловить аудитория. Однако большое количество употребляемой в речи экспрессивной лексики приводит к гиперболизации эмоций и может больше навредить тексту, чем его украсить, в том случае, если первое не было запланировано умышленно. Оценочная лексика приближает речь к разговорному стилю, эту особенность необходимо учитывать при работе над серьезными темами. Выдающийся французский лингвист Ш. Балли писал, что «научный язык – это язык идей, а художественная речь – язык чувств» [1].

Использование экспрессивно-оценочной лексики в публицистике. Современная журналистика не перестает искать способы привлечь внимание аудитории, каждый журналист ищет особый способ влияния на своих читателей, слушателей, зрителей. Речевое воздействие осуществляется с помощью речевых средств. Каждый журналист пытается найти нетрадиционные формы выражения мыслей в своих работах, для этого используются языковые средства, такие как языковая экспрессия. Наиболее широко экспрессивная лексика применяется в газетной публицистике, ведь это лучший способ воздействия на читателей. Мы не можем понять настроение, чувства, которые испытывает автор, увидеть его мимику и жесты, поэтому эмоциональный посыл автора мы можем наблюдать через языковые средства, используемые в тексте. Публицистика – олицетворяет и мысли, и чувства. У публицистов самый широкий охват лексики: от научных работ и терминологии до жаргонизмов, разговорной речи и выхода за рамки литературного языка. Благодаря такой универсальности публицистики экспрессивно-оценочная лексика живет и развивается в такой благоприятной среде и является самой привлекательной для изучения формой речевого воздействия. Основной стилистический принцип публицистики В. Г. Костомаров определяет как «единство, сопряжение экспрессии и стандарта», составляющее специфику газетной речи. Конечно, в известном смысле сопряжение экспрессии и стандарта (в тех или иных «дозах») свойственно всякой речи вообще. Однако важно, что именно в газетной публицистике, в отличие от других речевых разновидностей, это единство становится

стилистическим принципом организации высказывания. В этом главный смысл и, несомненно, ценность концепции В. Г. Костомарова [3].

Экспрессивно окрашенные слова позволяют выразить свое отношение к другому человеку, как например в статье «Комсомольской Правды» «Дневник учителя: Половину учеников я бы отправила в коррекционные классы» мы видим фразу: «Современный ученик – ленивое, наглое, ничем не замотивированное создание, которое регулярно качают права... Большинство хулиганов у нас «хронические»...». Неприкрытая неприязнь и осуждение учеников. Характеристики, которые дает учитель своим ученикам, вызывают к детям неуважение и призывают полностью разочароваться в молодом поколении. Тема «Отцы и дети» актуальна всегда, каждый ребенок слышит фразу: «А в наше время было лучше!», однако мир продолжает жить и эволюционировать. Поэтому негативные отклики о детях скорее подогревают интерес их защитников или же наоборот тех, кто поддержит сторону преподавателя, чтобы читатели отреагировали комментарием и заработали высокий рейтинг публикации [7].

Как было описано выше, эмоциональную окраску словам может придавать контекст. Например, в названии интервью «Не хотим выступать для России как чемодан без ручки»: Советник главы ЛНР прокомментировал итоги выборов на Донбассе». Слово «чемодан» нейтрально по эмоциональному окрасу в своем прямом значении, в контексте фразы «чемодан без ручки» приобретает значение обузы, лишнего груза, пустой, ненужной, сломанной вещи. Как много формулировок, но ни одна из них не дает такого эффекта, как эта фраза, она вызывает жалость, понимание ушербности и тяжелого положения Донбасса сейчас [8].

Когда происходят в мире ужасные трагедии – это сотрясает сознание каждого, ни одна газета не упустит возможности выпустить десятки и даже сотни материалов, касающиеся животрепещущей темы. Но что делать журналисту, чтобы выпустить эксклюзивным материал, ведь все СМИ заинтересованы той же темой. Тогда появляются работы на грани моральных и этических норм. Например, автор одной из статей, касающихся взрыва в Керчи был довольно резок в высказываниях: «Подростки школу ненавидят. Давайте признаемся в этом без ханжества. Учиться не модно, не престижно и бесперспективно. «Армия – зашквар, политика – зашквар, учеба – зашквар, Рашка – зашквар». Из хорошей семьи мальчик, не на вокзале подобрали. Все хотят читать корявый рэп. Офисной плесенью и сантехниками быть никто не хочет. Если нет никаких задатков вообще, можно с детства примерить на себя маску мизантропа». Эмоциональная насыщенность текста так сильна, что при его прочтении возникает чувство неприязни и зарождающейся агрессии. Сила экспрессивно-оценочной лексики в ее открытости и прямой направленности к читателю. Человек озвучивает слова бесперспективно, ненавидят, офисная плесень и ассоциации вырабатывают негативное отношение еще на уровне подсознания [9].

Следующий пример будет о формировании приятного образа, благодаря эмоционально-оценочной лексике. В своем репортаже о скандально известной Волочковой, автор употребляет в адрес балерины слова: «отзывчивая, теплая», что дает положительную характеристику героине. Далее в тексте фраза «Анастасию буквально засыпали цветами» говорит о принятии публикой балерины. Слово «благотворительность» повторяется несколько раз, такой прием использован для усиления образа, чтобы у читателя возникло чувство уважения и приятного впечатления о личности [10].

Безусловно, этот эффект, который экспрессивная лексика дает в первые минуты после прочтения исчезает, после анализа прочитанного, когда фантазия утихает. Тем не менее, сила эмоциональности текста очень велика и может провоцировать читателей не только на эмоциональную реакцию, но и действия. История подтверждает факты такого сильного эмоционального посыла в речах, что люди шли в смертельные битвы, поднимались на бунты и восстания. Со времен зарождения устной речи, речевое

воздействие сразу стало самым сильным оружием всех желающих управлять обществом. Значимость экспрессивно-оценочной лексики, как в русском языке, так и в истории человечества невозможно переоценить.

1. Балли Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – М. : 2001. – 281 с.
2. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. – Назрань : Пилигрим, 2016. – 610 с.
3. Костомаров В. Г. Жизнь языка / В. Г. Костомаров. – М. : 1994. – 340 с.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – 940 с.
5. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. – М. : Айрис-Пресс, 2002. – С. 126-128.
6. Сорокин Ю. С. «Просторечие» как термин стилистики // Доклады и сообщения филологического института. Вып. 1. Л., 1949. – С. 124-137.
7. <https://www.crimea.kp.ru/daily/26909.7/3954384/>
8. <https://www.crimea.kp.ru/daily/26906/3951856/>
9. <https://www.crimea.kp.ru/daily/26899/3944320/>
10. <https://www.crimea.kp.ru/daily/26909.5/3954573/>

Малярчук-Прошина У.О., Жирнова В.И.

Методология применения средств речевого воздействия в СМИ на примере издания «Первая крымская»

*ТА (структурное подразделение) КФУ имени В. И. Вернадского
(Россия, Симферополь)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-03

idsp: spub-26-11-2018-03

Аннотация

Средства массовой информации широко распространены и находятся в свободном доступе. Давно устоялось мнение, что язык СМИ способен влиять на политическую, гражданскую и социальную позицию аудитории. Рассматривая журналистику как способ воздействия на общественное сознание, необходимо отметить, что форма речевой подачи является главным инструментом воздействия и ресурсом манипулирования им. Данная статья рассматривает специфику применения средств речевого воздействия в СМИ на примере издания «Первая крымская».

Ключевые слова: Речевое воздействие, языковое манипулирование, СМИ, манипуляция, дискурс, лингвистика.

Abstract

The media is widespread and freely available. The opinion has long been established that the language of the media is capable of influencing the political, civil and social position of the audience. Considering journalism as a way of influencing the public consciousness, it should be noted that the form of speech pitch is the main instrument of influence and a resource for manipulating it. This article examines the specifics of the use of speech exposure in the media on the example of the publication of the First Crimean.

Keywords: Speech impac, language manipulation, media, manipulation, discourse, linguistics.

Речевое воздействие – это влияние на поведение, взгляды, принципы, суждения, оценки человека либо группы лиц посредством языка. Такое воздействие изучают как комплексное явление, направленное на общество. Язык используется как средство власти над людьми. Благодаря успешному речевому воздействию происходит внедрение определенных ценностей, мнений, оценок в сознание человека, либо массовое сознание [1].

Языковое воздействие типично для таких типов дискурса, где главенствующую позицию занимает функция влияния на сознание: политика, реклама, СМИ. Поэтому целенаправленность и необходимость использования средств речевого воздействия очень подробно изучается современными журналистами-практиками, а также учеными социологами. Первая проблема, к которой приводит неумелое использование языковых манипуляций в СМИ – искажение картины мира адресата.

Нецеленаправленное использование средств языкового воздействия приводят к намеренному или случайному искажению фактов. По этому поводу А.П. Короченский отмечает, что интерпретация знаний об окружающем мире происходит в любом изложении событий, «пока происходит передача информации в обществе», однако «искажение нарастает на этапе потребления информации под влиянием коммуникативных условий ее приема и индивидуальных особенностей восприятия, свойственных получателем медийных посланий» [3].

Стоит отметить, что общение направлено на передачу информации, имеющую для собеседника эмоциональную ценность. Беседа должна иметь коммуникативную ценность, а значит формировать на своей основе выводы. Поэтому стоит обратить внимание на правильное использование и методологию употребления средств речевого воздействия, для достижения эффективной коммуникации, не нарушая этических и моральных норм. В своих работах А.А. Данилова предлагает разделять способы воздействия на три категории: лексические, синтаксические и логико риторические [2].

Тактика речевого воздействия:

- Использование неожиданной или неизвестной информации.
- Провокация.
- Апелляция к авторитету или авторитетному мнению.
- Апелляция к высшим ценностям, опора на стереотипы.
- Юмор.
- Программируемое мышление – постараться отвлечь адресата от возможности использовать контраргументы.
- Мнимый выбор, создание ситуации, в которой внушается лишь одно отношение к теме беседы.
- Способы достижения эффективного речевого воздействия:
- Авторизация. Использование личных местоимений, глагольных форм рядом с личными местоимениями, конструкции «мне кажется» и тд.
- Языковое манипулирование.
- Обширное употребление экспрессивно-оценочной лексики.
- Использование ярлыков, ключевых слов.
- Использование импликатур (скрытого смысла в языковых конструкциях).

Не так давно было определено, что одним из факторов успешного языкового воздействия также является канал коммуникации. В основе концепции российского лингвиста Чернявской Валерии Евгеньевны лежит взаимосвязь между эффективной коммуникацией и отношения адресата к переданному сообщению. Таким образом, эффективность речевого воздействия зависит не только от успешно использованных приемов эмоциональной и лексической составляющей, но и от правильно выбранного коммуникативного канала, для передачи того или иного сообщения адресату [6].

Современный мир беспокоится об информационной безопасности общества. Поэтому в России и по всему миру действует комплекс законов, которые направлены на защиту общества от манипуляций, пропаганды запрещенных действий, разжигания конфликтов и т.д. Однако в СМИ продолжают проскальзывать тексты с высоким манипуляторным потенциалом. В связи с этим, аспекты речевого воздействия требуют подробного изучения и рассмотрения, чтобы человек мог анализировать данную ему информацию, уметь ставить ее под сомнение, а также отличать манипуляторные

тактики и скрытые призывы. Под языковым манипулированием ученые понимают - вид речевого воздействия, целью которого является неявное внесение в психику адресата навязанных ценностей, желаний и целей, используя психолингвистические механизмы, приводящие к некритическому восприятию адресатом речевого сообщения [4].

Построение текста напрямую связано с используемыми в нем языковыми средствами. Своего рода рекламой текста являются заголовки. Игра слов в заголовках является способом речевого воздействия, с целью затруднить понимание и концентрировать внимание не на информации как таковой, а возможных значениях, которые скрывает в себе эта самая игра слов. Этот прием требует высокого профессионализма от журналиста. Заголовки не являются весомым методом языкового воздействия, однако создают целостную картину и необходимое настроение в комплексе с графическим оформлением, аргументацией и использованных языковых средств в тексте.

Лиды, врезы, предисловия, также короткие обращения к читателям, которые могут намеренно подчеркнуть лексическими средствами важности, чтобы добавить значимость тексту, намекнуть на его эксклюзивность и важность.

Важным этапом в построении текста, является аргументация. Аргументация – способ речевого воздействия на аудиторию, с помощью приведения доводов, тезисов и аргументов, в результате, которого у адресата формируется выводы по какому-либо вопросу. В рамках изучения способов речевого воздействия, аргументация рассматривается, как способ отобразить скрытые мотивы. Благодаря использованию экспрессивно-оценочной, сниженной лексики, разнообразных идиом можно создать негативный эмоциональный фон для адресата, чтобы текст воспринимался в необходимом настроении. Таким образом, можно снизить образ человека, особенно это актуально для чиновников, политиков и других влиятельных персон. Я согласна с такой позицией, что элитарный уровень коммуникативной культуры предполагает знание технологий речевой манипуляции, умение видеть манипуляторные тактики и соответствующие приемы их языкового оформления, а также способность им противостоять [5].

В печатных СМИ речевое воздействие осуществляется не только благодаря речевым средствам, но и с помощью графики, это может быть единое оформление текстов, где выделяются с помощью графики определенные слова, увеличивается либо уменьшается шрифт, подчеркивания, обрамления и тд. Хорошо представлены такие способы графического воздействия в газетах «Аргументы и факты» и «Комсомольская правда».

Самой большой воздействующей силой обладает имплицитная информация, поданная неявно. Во-первых, она не может подвергаться критической оценке, так как не подается прямо и не осознается адресатом. Во-вторых, журналист редко несет ответственность за имплицитную информацию. Такого рода информация воспринимается не как поданная извне, а как собственный вывод, который человек сделал сам, прочитав текст.

На примере газеты «Первая Крымская» рассмотрим варианты и способы применения речевого воздействия. Статья «...Нелегкая судьба «евроблях», ночные посиделки депутатов,...» своим названием говорит о пренебрежительном отношении к украинским депутатам, так как «ночные посиделки» говорят о несерьезности ночного заседания Думы, а также во всей статье применяется разговорный термин «евробляхи», то есть автомобили с европейскими номерами, которые стали популярны в Украине, благодаря низкой цене. При аргументации автор использует идиому «дали заднюю» в адрес митингующих владельцев автомобилей. В какой-то момент автор статьи переходит на разговорный жанр и сниженную лексику: «Однако благородность намерений «евробляхеров» спотыкается о некоторую их «хитросделанность». По-хорошему, «топить» за снижение акцизов следовало бы до того, как завозить сюда

автомобили на еврономерах. А так получается, что сперва нашли сомнительные лазейки в законодательстве, а теперь требуем «отбелить» ввезенные по черным и серым схемам автомобили. Вероятно, эта хитрость также не добавляет «бляхерам» количества их сторонников». Такое речевое оформление создает негативную атмосферу и чувство неприятия к протестующим [7].

Также приемы языкового воздействия могут быть направлены на создание определенного настроения текста, так например, в статье о памяти жертв голодомора в первом абзаце видим слова: «...память о невинно замученных жертвах...». Для поддержания настроения скорби и ужаса автор пишет: «В то время, когда в амбарах и хранилищах гнило зерно, люди в своих домах в муках умирали от голода». Не обходится и без неприкрытой политической агитации: «Это чудовищное преступление коммунистического режима...». Эта фраза находится в последнем абзаце статьи. Благодаря речевым средствам выразительности и экспрессивно-оценочной лексике использованной в начале статьи, автор очень ненавязчиво дает читателю объект для ненависти, тот кто, по его мнению, виноват в этих ужасных событиях. Так непринужденно, кратко и используя лишь эмоциональность текста, автор подводит аудиторию к необходимым выводам [8].

Формирование образа благодаря средствам речевого воздействия - один из самых применяемых приемов в журналистике. Политики, спортсмены и другие влиятельные личности, либо формируют свой положительный образ в СМИ, либо попадают в негативные статьи-разоблачения об их деятельности. Например, заметка о боксерах Артеме Далакяне и Арнольде Хегеае, автор использует в адрес боксеров слова: непобедимый, известный, профи и тд. Помимо этого автор замечает, что: «Примечательно, что в последнем поединке в США против Хорхе Диаса Арнольд Хегай получил серьезное рассечение, однако для того, чтобы помочь Артему Далакяну подготовиться к защите титула он согласился наложить швы». Несмотря на небольшой объем текста, боксеры предстают в образе героев с безупречной репутацией [9].

К сожалению, благодаря речевому воздействию, в СМИ часто нарушают все существующие правила и разжигают конфликты на почве национальности, религии и тд. Известно, что при ведении информационной войны стран такие методы только поощряются лидерами государств. Поэтому неудивительно, что в статье «НЕВЕРОЯТНАЯ СТРАНА...» автор говорит о человеке, которого называет: «Переехавший в Украину из России «москалебандеровец»» ярлык, который автор сразу навесил своему персонажу. Далее в статье видим фразу: «Если в РФ сразу определяют — ты черный, ты еврей, ты еще кто-то...». Такие статьи направлены на людей, которых касается проблема национального ущемления или же интересует этот вопрос и формирует мнение человека о том, где ему будет жить комфортно, а где его права будут ущемлены или оскорблены, по мнению автора статьи [10].

Таким образом, говоря о речевом воздействии, мы говорим о самом применяемом и действенном способе формирования общественного мнения аудитории. Важность изучения языкового воздействия на сознание не может быть переоценена и является важным этапом в познании языка массовой информации и его особенностей.

1. Блакар Р.М. Язык как инструмент социальной власти (пер. с англ.) // Язык и моделирование социального взаимодействия... — Прогресс, 1987.
2. Данилова А. Манипулирование словом в средствах массовой информации. М., 2009.
3. Короченский А.П. «Пятая власть»? Феномен медиакритики в контексте информационного рынка. – Ростов н/Д., 2002
4. Лариса Рацибурская, Наталия Петрова. Язык современных СМИ. Средства речевой агрессии. Флинта, Наука, 2011.
5. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Способы манипулятивного речевого воздействия в российской прессе // Политическая лингвистика. 2012.

6. Чернявская В.Е., Молодыченко Е.Н. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе: Учебник для магистратуры.. — М.: ЛЕНАНД, 2017.
7. <https://1k.com.ua/sobytiya-nedeli-versiya-chitatelej-unian-nelegkaya-sudba-evrobyah-nochnye-posidelki-deputatov-i-rost-shtrafov-dlya-voditelej.html>
8. <https://1k.com.ua/kazhdyj-raz-slezy-na-glazah-v-ukraine-v-pamyat-o-zhertvah-golodomorov-goryat-svechi-kadry-iz-sotssetej.html>
9. <https://1k.com.ua/arnold-hegaj-nesmotrya-na-rassechenie-pomogaet-artemu-dalakyanu-gotovitsya-k-zashhite-poyasa-chempiona.html>
10. <https://1k.com.ua/neveroyatnaya-strana-perehavshij-v-kiev-rossiyanin-yarko-rasskazal-ob-ukraine.html>

Молчанова А.А.

Манипулятивный аспект в репрезентации Brexit

*Донской Государственный Технический Университет
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-04

idsp: spub-26-11-2018-04

В настоящее время интерес к проблеме манипуляции обоснован парадоксальностью социально-психологической и политической ситуации в современном обществе, которая существует в условиях глобализации. Большинство населения, вне зависимости от государства, не может осуществить политический выбор на основе учета своих собственных интересов. Политологи констатируют низкую политическую культуру и отсутствие умения отразить личный политический выбор и его последствия для будущего [1].

Направленность всех речевых стратегий современного политического дискурса заключается в одном: оказать воздействие на адресата, а так же убедить его принять решение, которое нужно субъекту политической деятельности. Втягивая в себя немногие суждения, представляющие «истину факта» и «истину разума», политический дискурс искусно манипулирует с самим понятием истины, выдавая субъективное за объективное [2, с. 199].

На данный момент существует достаточно много определений манипуляции. В данной статье мы будем ссылаться на определение манипуляции, данное И. В. Беляевой, где «манипуляция – прагматический акт, достигающий своей цели без явного обнаружения коммуникативной интенции: сознательно избирается такая форма высказывания, в которой отсутствуют прямые сигналы об интенциональном состоянии адресата. Увеличивая степень неадекватного восприятия информационного поля, манипулирование расширяет иллюзорную субъективную реальность. Манипуляция – негативное социально-психологическое явление, оказывающее разрушающее воздействие на личность и общество в целом» [3].

Не смотря на множество определений манипуляции, представленных в различных сферах, таких как политология, психология и т.д., все определения сводятся к тому, что манипуляция – это, в первую очередь, практика управления человеком, его сознанием и поведением. Цель политического манипулирования заключается в получении, реализации и сохранении власти. Требуемым условием осуществления манипуляции является создание фальшивой действительности, в которой не будет ощущаться ее присутствие.

В широком смысле в манипулятивном аспекте могут использоваться такие явления, как имплицитность, эвфемизмы, косвенные речевые акты, явления подобные косвенности – аллюзия, намек, метафора, ирония, подтекст, апелляции к прецедентной ситуации, сравнения, противопоставления, градации и т.д. Важное место в богатой палитре вербальных и невербальных средств экспрессивности политического дискурса занимает метафора. Метафора может поспособствовать манипуляции сознанием, потому как подтекст, созданный с помощью метафоры, строится на ассоциативных связях и воздействует на суггестивном уровне. Таким образом, метафора – вторичная

номинация, имеющая дополнительные семы и коннотации, которые можно понять только в определенном контексте или с помощью определенной конситуации» [5, с. 52]. Выбор того или иного языкового средства способен помочь извлечь основную информацию из сложного контекста. С одной стороны это ведет к облегчению восприятия идей, с другой, – является приемом введения в заблуждение, т.е. становится своего рода механизмом манипуляции массовым сознанием.

Так, политики широко используют развернутые метафоры, символизирующие начало нового периода в жизни государства «Independent UK»: *"The dawn is breaking on an independent UK. If the predictions are right this will be a victory for the real people, for the ordinary people, and for the decent people."* (Nigel Farage, Express). Использование развернутой метафоры в данном случае способствует закреплению позитивного образа действительности. При этом имплицитно выраженная информация содержит значительный эмоционально-оценочный потенциал. А последующее пояснение, представленное условным предложением, помогает адресанту сделать прогноз на будущее, что способствует достижению прагматического эффекта, т.к. у адресата вырабатываются соответствующие установки восприятия интерпретируемых событий и формируются устойчивые стереотипы.

Пытаясь сформировать общую смысловую платформу с адресатом, адресант прибегает к употреблению слов и словосочетаний с отрицательной коннотацией, к использованию различных стилистических приемов (сравнение, метафора, ирония, аллюзия и др.), к повторяющимся синтаксическим конструкциям и синтаксическим типам предложений: *"We fought against the multi-nationals, we fought against the big merchant banks, we fought against lies, corruption and deceit. Honesty, decency and belief in nation is going to win. And we will have done it without having to fight, without a single bullet being fired."* (Nigel Farage, Express). Как мы можем заметить, здесь положительная оценка действий сторонников Найджела Фараджа усиливается приемом нарастания, синтаксическим повтором и употреблением эмотивных лексических единиц.

Адресант способен манипулировать сознанием своих сторонников проявляя реакцию на идею членства в Евросоюзе, но при этом чувствуя ответственность за сообщаемую информацию: *"There are definitely things we can do as members of the European Union that I think keep us more safe"* (Theresa May, The Guardian). Здесь контрастно выражено отождествление членства в ЕС «members of the European Union» с безопасностью «keep us more safe», что является одной из базовых человеческих потребностей, а, следовательно, подсознательно необходимо адресату.

"Britain today is a proud, successful, thriving nation, a nation the world admires and looks up to, and whose best days lie ahead of it." (David Cameron, Conservative Home) В данном примере Дэвид Кемерон манипулирует массовым сознанием, косвенно воздействует на адресанта; путем намеков, подсказок, предложений дает возможность сделать выбор самостоятельно, однако, он ясно дает понять, что «успешная и процветающая» она сейчас, именно в тот момент, когда она в составе Евросоюза.

В современном политическом дискурсе одним из основополагающих элементов манипулятивной практики можно назвать оппозицию «свой–чужие». Так, неотъемлемым звеном управления государством является создание своего рода круга «друг–враг». Главные составляющие этого феномена включают «врага» (объект агрессии, отсутствующий, т. е. «вынесенный за скобки» речевой ситуации, или реально представленный), активного элемента (нападающего, в нашем случае – политического лидера) и пассивного элемента (массы, ведомой лидером) [4]:

"I want to show that if you love this country, if you want to keep it strong in the world, and keep our people safe, our membership of the EU is one of the tools – one of the tools – that helps us to do these things, like our membership of other international bodies such as NATO or the UN Security Council." (David Cameron, Conservative Home). Дэвид

Кэмерон показывает, что любовь, патриотизм заключается не в слепом восхищении страной, а в объективной, честной ее оценке. Такая стратегия является выигрышной, поскольку оценивает политику «своих» с неожиданной для общественности стороны – признания несовершенства, подкрепленного готовностью к переменам к лучшему.

Порой адресант апеллирует к привычным, повседневным ценностям (что является явной манипуляцией), проводя аналогию между таким важным событием как Brexit и обыденными делами: *“If you were buying a house or a car, you wouldn’t do it without insisting on seeing what was being offered, and making sure it wasn’t going to fall apart the moment you took possession of it. So why would you do so when the future of your entire country is at stake?”* Риторический вопрос фактически содержит обвинение сторонников Brexit в отсутствии патриотических намерений, что является одной из базовых ценностей британской нации, сторонников позиции «чужие».

Таким образом, каждая из сторон апеллирует к таким фрагментам действительности и сферам жизнедеятельности, которые отражают ключевые ценности европейской культуры в целом и народов населяющих Великобританию в частности. Прагматическая позиция каждой определяет выбор языковых средств.

Итак, характерной особенностью британского политического дискурса является языковая манипуляция, которая представляет собой целостное речевое действие, направленное к массовому адресату и имеющее цель завоевать и удержать власть. Тщательно подобранные языковые единицы, которые употребляют политики в публичных выступлениях, в комбинации с социальными факторами могут стать мощным инструментом для управления общественным мнением, т.е. манипуляции. Главной целью манипуляторов является стереотипизация социально-политической действительности при помощи языка. Таким образом, можно констатировать, что публичные выступления политиков практически всегда создаются с учетом конечной цели: повлиять на сознание людей с помощью продуманных и проверенных техник, а именно – лингвистического инструментария.

1. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью. Организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. М., 2003.
2. Михалева О.Л. Политический дискурс как сфера реализации манипулятивного воздействия: Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2004.
3. Беляева, И.В. Феномен речевой манипуляции: лингвоюридические аспекты : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2009.
4. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учеб. для студентов вузов. М, 2006.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2003. 864 с

Литвиненко Е.Ю., Федорова Л.Ю.

Особенности иноязычных заимствований в области защиты информации

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова
(Россия, Новочеркасск)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-05

idsp: spub-26-11-2018-05

Стремительное развитие научно-технического прогресса, которое повлекло за собой возникновение новых отраслей производства и научных областей исследования, неизбежно привело к расширению терминологии в различных дискурсах. Поскольку развитие научно-технического знания связано с процессами глобализации, то очевидным представляется введение в словарный состав большого количества терминов, заимствованных из других языков. При этом заимствование понимается как процесс и как его результат [10, с. 158], где «заимствование термина – это способ

создания терминов, при котором лексические единицы переносятся из одного естественного языка в другой или же в язык специального общения» [11, с. 141]. Следовательно, заимствование предполагает транспонирование общеязыковых лексем из одного языка в другой, в случае терминологии в языки для специальных целей. Заимствованные термины, как правило, делятся на «термины-названия» и «термины-фразы» [4]. «Термин-название» относится к однословным и немотивированным иноязычным терминам, которые, согласно А.В. Исаченко, являются более «терминологичными», поскольку они не отягчены ассоциациями, связанными с родным языком. Вместо предложенного А. В. Исаченко дефиниции «термин-название», А.В. Суперанская вводит понятие «термин-метка» для иноязычных и специально сконструированных терминов, считая, что заимствованные термины представляют собой «абсолютные метки» [14, с. 98].

Причинность заимствований во многом определяется особенностями развития общества в определенный период времени. Так, например, Л.П. Крысин видит расширения пласта заимствований в конце XX века в следующем:

- «осознание своей страны как части всего цивилизованного мира»;
- «преобладание интегративных, объединительных тенденций»;
- «смещение акцентов на общечеловеческие приоритеты»;
- «сотрудничество в области экономики, культуры, спорта и т.д.» [7, с. 57].

К заимствованному термину предъявляются особые требования по сравнению со словом из бытовой лексики, поскольку они должны обладать:

- однозначностью в пределах данной или родственных терминологических систем;
 - возможностью «применения в качестве самостоятельного термина»;
 - вероятностью «использования этого слова в качестве элемента других терминов: производных, сложных и словосочетаний» [5, с. 52-53].
- Исследователи, занимающиеся рассмотрением заимствований в области терминологии, обращают внимание на преимущества, свойственные иноязычным терминам, к которым относится краткость, отсутствие коннотаций, единый смысл «в языке-реципиенте», что способствует целям эффективного общения, поскольку адекватно интерпретируется собеседником и делает использование заимствованного термина «естественным и необходимым» [7, с. 63].

В связи с интенсивным развитием информационных технологий, терминология, связанная с защитой информации является областью, где иноязычные терминологические заимствования используются наиболее частотно и интенсивно. Анализ используемых терминов в сфере защиты информации выявил неоднородность русской терминологии в контексте генезиса. Помимо исконно русских терминов (доступ, злоумышленник, мост, заплатка, перебор, взлом, сокрытие, тайнопись и др.) она включает иноязычные и интернациональные заимствования, что будет показано в нижеприведенном материале. Прежде всего, следует отметить, что различно количественное заимствование. Так, если в английском языке количество заимствований составило 7 единиц, то в русском языке оно больше 10, что показано в таблицах 1-2.

Таблица 1.

Заимствования терминов, связанных с защитой информации в русский язык

из латыни	из др.-греч.	из франц.	из латыни через франц.	из др.-греч. через франц.	из араб. через франц.	из араб. через латынь	из итал. через франц.	из англ.	общ. число заимствований
24	11	10	4	1	1	1	2	23	77

Таблица 2.

Заемствования терминов, связанных с защитой информации в английский язык

из латыни	из др.-греч.	из франц.	из латыни через франц.	из итал. греч. через франц.	из араб. через латынь	из араб. через французский	общ. число заимствований
28	6	5	3	2	1	1	44

В совокупности количество заимствованных терминов из других языков в русский язык оказалось намного объемнее, чем в английском языке – 77 против 44. Однако в русском языке зафиксировано меньшее количество латинизмов, чем в английском – 24 против 28. Согласно проведенному анализу среди терминов из области защиты информации, половина терминологически окрашенных заимствований в русский язык относятся к англицизмам, что объясняется экстралингвистическими причинами, прежде всего тем, что озабоченность проблемой защиты информации появилась в зарубежных странах, преимущественно в англоязычных странах. Характерным является то, что заимствование происходит из различных частей речи, это могут быть существительные, прилагательные и глаголы, что видно из нижеприведенных таблиц.

Таблица 3.

Существительное									Прилагательное				Глагол	
из лат	из др.-греч	из фр	из англ	из лат. ч-з фр.	из др.-греч. ч-з фр	из ар. ч-з фр.	из ар. ч-з лат	из ит. ч-з фр	из лат	из др.-греч	из англ	из ит. ч-з фр	из лат	из фр.
14	7	5	21	5	1	1	1	1	8	4	2	1	1	2

Таблица 4.

Существительное							Прилагательное			Глагол
из лат	из др.-греч	из фр.	из лат. ч-з фр	из ит. ч-з фр	из ар. ч-з фр.	из ар. ч-з лат	из лат	из др.-греч	из ит. ч-з фр.	из лат
16	5	5	3	1	1	1	9	1	1	3

В качестве примеров заимствований в русский язык терминов из области защиты информации из разных частей речи можно привести нижеприведенные примеры:

Часть речи - существительное

- латинское заимствование: «идентификация (от лат. identificare отождествлять)» [12, с. 320-321 → «присвоение субъектам или объектам доступа идентификатора и (или) сравнение предъявляемого идентификатора с перечнем присвоенных идентификаторов» [16, с. 41];
- греческое заимствование: «биометрия (< др.-греч. bios жизнь + < др.-греч. измеряю)» [12, с. 131] → «прикладная область знаний, занимающаяся разработкой совокупности способов автоматической верификации и идентификации пользователя (для защиты от несанкционированного доступа) при входе в компьютерную систему по биологическим свойствам человека (по отпечаткам пальцев, сетчатке или радужной оболочке глаз и др.) [18];
- французское заимствование: «код (фр. code)» [12, с. 408] → «система условных обозначений (группа цифр, букв или других символов) для

скрытия передачи сведений конфиденциального характера по технически средствам связи» [16, с. 57];

- английское заимствование: «рандомизация (от англ. randomization < от англ. random случайный)» → «внесение элемента случайности в работу криптографического оборудования» [1, с. 172];
- латинское происхождение, но заимствовано из французского языка: «сертификат (от фр. certificate < лат. certum верно + facere делать) [12, с. 729] → «документ, удостоверяющий соответствие средства вычислительной техники или автоматизированной системы набору определенных требований по защите от несанкционированного доступа к информации и дающий право разработчику на использование и/или распространение их как защищенных» [16, с. 102];
- древне-греческое происхождение, но заимствовано из французского языка: «протокол (от фр. protocole от др.-греч. первый лист рукописи с датой и именем писца) [12, с. 666] → «набор правил и форматов, семантических и синтаксических, позволяющих различным компонентам системы обмениваться информацией (например, узлам сети)» [16, с. 91];
- итальянское происхождение, но заимствовано из французского языка: «маскарад (фр. mascarade < ит. mascherata бал-маскарад)» [12, с. 504] → «попытка получить доступ к системе, объекту или выполнение других действий субъектом, не обладающим полномочиями на соответствующее действие и выдающим себя за лицо, которому эти действия разрешены» [16, с. 170].

Часть речи - прилагательное

- латинское заимствование: «аддитивный (< лат. addition прибавление)» [12, с. 22] → «аддитивный шифр (шифр гаммирования)» [18];
- греческое заимствование: «синхронный (др.-греч. synchronos < syn вместе + chronos время)» [15, с. 458] → синхронная (передача данных) [19];
- английское заимствование: «интерактивный (от англ. interactive)» [12, с. 346] → «интерактивное распределение ключей» [19];
- итальянское происхождение, но заимствовано из французского языка: «каскадный (от фр. cascado < ит. cascata естественный или искусственный водопад, низвергающийся уступами)» [12, с. 383] → «каскадный (шифр)» [18].

Часть речи - глагол

- латинское заимствование: «депонировать (лат. deponere)» [12, с. 269] → «депонировать (у третьих лиц)» [1, с. 81];
- французское заимствование: «авторизовать (< фр. autoriser разрешать)» [12, с. 16] → «авторизовать (проверить полномочия субъекта на выполнение некоторых действий)» [1, с. 11].

Следует отметить, что английский язык также заимствует термины из области защиты информации из разных частей речи. В качестве примеров приведем следующие:

Часть речи - существительное

- латинское заимствование: «access (от лат. accessus доступ)» [9, с. 20] → «access доступ специальный тип взаимодействия активного и пассивного элементов системы, при котором между ними возникает поток информации» [1, с. 2];

- греческое заимствование: «hierarchy (др.-греч. священный + власть)» [12, с. 322] → «hierarchy (of keys) иерархия (ключей)» [1, с. 99];
- французское заимствование: «avalanche (от фр. avalanche лавина, обвал)» → avalanche лавина «свойство блочных шифров реагировать на небольшие изменения на входе лавинообразными изменениями на выходе уже после нескольких циклов работы» [1, с. 12].

Часть речи - прилагательное:

- латинское заимствование: «immune (от лат. immunis свободный от чего-либо, нетронутый)» [12, с. 321-322] → «immune (to linear cryptanalysis) стойкий (против линейного криптоанализа)» [1, с. 102];
- греческое заимствование: «stochastic (от др.-греч. умеющий отгадывать) случайный, вероятностный» [12, с. 767] → «stochastic (distribution) случайное (распределение)» [1, с. 198].

Часть речи – глагол

- латинское заимствование: «circumvent (от лат. circum-venio, veni, ventum, 1) обходить кругом, окружать со всех сторон; 6) обходить, нарушать, не исполнять» [9, с. 189] → обходить (систему защиты).
- Среди заимствований согласно Д.С. Лотте необходимо разводить заимствования на
 - прямые (материальные) заимствования;
 - переводные заимствования (калькирование);
 - смешанные заимствования - одна часть слова может быть заимствованной, а другая – переведенной или существующей в данном языке») [8, с. 116].

В свою очередь прямые заимствования могут быть:

- лексическими (заимствование материальной формы и содержания);
- заимствование только материальной формы слова и наполнение ее новым содержанием;
- морфемное заимствование (заимствование корневых и деривационных морфем для построения новых специальных единиц)» [8].

Анализ текстовых материалов из области защиты информации позволил прийти к выводу, что большой пласт терминов относится к прямым лексическим заимствованиям. Например, : скремблер, скрэмблер (англ. scrambler) шифратор. Однако выявлены и прямые заимствования материальной формы, наполненные новым содержанием. Например, «masquerade (фр. mascarade < ит. mascherata) бал-маскарад» [12, с. 504] → «masquerade маскировка – поведение нарушителя, пытающегося выдать себя за законного пользователя» [1, с. 129]. Что касается корневых и суффиксальных морфемных заимствований, то они также имеют место в русской терминологии. Например, фрикер (от англ. phone breaker взломщик телефонов) [3, с. 288] и фрикинг (англ. phreaking) «несанкционированное подключение к телефонным и другим сетям» [1, с. 155].

В текстах по защите информации установлены и заимствования смешанного характера. Так, термин-композит шифртекст представлен сочетанием основы шифр арабского происхождения (фр. chiffre цифра < ар. нуль) с основой текст латинского происхождения (лат. textum связь, соединение) [12, с. 787]. Терминологическое сочетание полиморфный вирус состоит из прилагательного древнегреческого происхождения и существительного латинского происхождения: «полиморфный (др.-греч. polymorhos)» [12, с. 642]; «вирусы (лат. virus яд) компьютерные программы, сознательно созданные хакерами для порчи (уничтожения) содержимого жестких и флоппи-дисков, а также оперативной памяти компьютера» [12, с. 178]. В термине

логическая бомба сочетаются слова древнегреческого и французского происхождения: «логический (<др. греч логика)>» [12, с. 480]; «бомба (фр. bombe)» [12, с. 139].

Кроме перечисленных выше заимствований широко используется калькирование иноязычных слов и выражений, а кальки – это «слова и выражения, появившиеся в результате перевода иноязычного образца по частям средствами своего языка» [13, с. 142]. В русскоязычной терминологии, относящейся к области защиты информации, сосуществуют национальные (русскоязычные) термины и английские заимствования, что наглядно представлено в нижеприведенных примерах:

- устанавливать подлинность и аутентифицировать (to authenticate);
- разностный метод и дифференциальный метод (differential method);
- проверка подлинности и верификация (verification);
- установление присвоенного уникального системного имени – идентификатора и идентификация (identification).

Нельзя не обратить внимание на то, что немалое количество терминологии относятся к так-называемым интернационализмам, которые составляют «международный лексический фонд», интенсивно использующийся по крайней мере в трех языках из разных языковых семей, что находит проекцию в следующем определении, данном Л.Л. Нелюбиным – это «слова, встречающиеся в ряде языков и обладающие в той или иной степени фонетическим, грамматическим и семантическим сходством» [17, с. 64]. Коррелирует с данным определением и дефиниция интернационализмов, которая дана А.Я. Коваленко - «лексические единицы, которые имеют структурно-семантическую общность во многих языках» [6, с. 265]. Термины-интернационализмы способствуют фасилитации коммуникации в условиях профессионального взаимодействия специалистов разных отраслей науки, производства, техники, искусства, спорта, экономики и фонансов и т.д., так как адекватно понимаются представителями различных стран, которых объединяют общие профессиональные интересы и задачи, поскольку оставаясь единицами лексической системы конкретного языка, приобретают статус единиц международного сообщества. Значимость интернационализмов особенно заметна в научно-технической литературе, которая способствует «международной узнаваемости» «словесно-понятийного фонда» научно-технической терминологии [2, с. 84]. В области защиты информации наиболее частотными являются следующие интернационализмы:

информация (рус.) – information (англ.) – Information (нем.) – information (фр.) – informazione (итал.) – informacion (исп.);

криптография (рус.) – cryptography (англ.) – cryptographie (фр.) – criptografia (итал.) – criptografía (исп.);

идентификация (рус.) – identification (англ.) – Identifizierung (нем.) – identification (фр.) – identificazione (итал.) – identificacion (исп.);

шифр (рус.) – Chiffre (нем.) – chiffre (фр.) – cifra, cifrario (итал.) – cifra (исп.);

шифровать (рус.) – cipher (англ.) – chiffrieren (нем.) – chiffrer (фр.) – cifrare (итал.) – cifrar (исп.).

кодировать (рус.) – code (фр.) – code (англ.) – codificar (исп.);

ключ (рус.) – cle (фр.) – key (англ.) – clave (исп.).

Таким образом, можно прийти к следующим выводам:

- терминология в области защиты информации заимствуется и различных живых языков, преимущественно из английского и французского языков, однако англицизмы составляют наиболее объемный пласт терминологической лексики;

- большое количество терминов относится к интернационализмам, происхождение которых относится к классическим языкам, в основном к древнегреческому и латинскому языкам;
- не зафиксированы терминологические заимствования из немецкого языка.

1. А-РССТ 2008 – Англо-русский справочный словарь терминов, используемых в криптографии, защите информации и смежных областях 2008. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rfcmd.ru>.
2. Володина М.Н. Теория терминологической номинации. М., 1997.
3. Жельников В. Криптография от папируса до компьютера. М., 1996.
4. Исаченко А.В. Термин-описание или термин-название // Славянска лингвистична терминология. София, 1962. Т. 1.
5. Как работать над терминологией. Основы и методы. М., 1968.
6. Коваленко А.Я. Общий курс научно-технического перевода: Пособие по переводу с англ. языка на рус. Киев, 2003.
7. Крысин Л.П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык в школе РЯШ. М., 1994.
8. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и термиозлементов. М., 1982.
9. Л-РС 1976 – Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М., 1976.
10. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1990.
11. Марчук Ю.Н. Компьютерная лингвистика: учебное пособие. М., 2007.
12. НСИСиВ 2006 – Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн., 2006.
13. Реформатский А.А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. М., 2001.
14. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. М, 2008.
15. СИС 1988 – Словарь иностранных слов. М., 1988.
16. СТО 2008 – Словарь терминов и определений в области информационной безопасности. М, 2008.
17. ТПС 2003 – Толковый переводоведческий словарь. / Л.Л. Нелюбин. М., 2003.
18. ЭСЛ – Электронный словарь Лингво (Lingvo On-line Dictionary) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lingvo.jandex.ru/> или www.postuh.ru/2008/02/20/abbyy-lingvo12-multilanguage.html
19. ЭСМ – Электронный словарь Мультитран (Multitrans On-line Dictionary) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.multitrans.ru/>

Mironenko V.V.

Linguistic characteristics of political foreign language

*Crimean Federal University. IN AND. Vernadsky, a branch in Sevastopol
(Russia, Sevastopol)*

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-06

idsp: spub-26-11-2018-06

The problem of dynamic changes in the lexical composition of modern English has acquired particular relevance. The main thing is that social factors most affect the linguosemiotic characteristics of the language, so it undergoes the most significant transformations.

It is very important that many aspects of the current state of the linguistic and semiathetic system of the English language remain unexplored: there are not many generalizing researches (O. E. Bondarets [1], T. B. Kryuchkova [2], V. M. Leychik [3]). But specific issues of the development of foreign language political vocabulary remain unresolved.

Cultural and technological transformations, cardinal changes in the ways of processing and representation of information, new forms of processing primary knowledge and its secondary presentation required an understanding of the lingvo-semiotic status of political content.

The semiotics of political speech is determined by the translation of a fragment of extra-linguistic reality (event) into a symbolic statement / text form. Based on its semiotic

essence, we can single out a commentary on the text, on political news, on the phenomenon of reality.

Social and political terminology is an open system of nominating units of different origin, which are specialized lexically (created or borrowed terms), semantically (commonly used words, that got terminological meaning) and phraseologically (newly created a phrase of nominative character) to express the notions that reflect the sphere of social and political life.

Political terminology of the English language is characterized by certain features caused by purely linguistic factors and which distinguish it from the scientific and technical terminology of vocabulary. Participation of many people in political life of the country, in public activities contributes to the fact that many social and political terms become a part of a commonly used vocabulary.

The core of the English social and political vocabulary of modern forms of language units of philosophical and philosophical content which relates to expression of axiological ideological concepts and categories of public consciousness (statehood, rebirth, democracy, consolidation, patriotism, independence, orthodoxy, independence, sobornost).

A large number of terms refer to words of foreign origin in the composition of modern social and political vocabulary of English language. They are borrowed mainly from Latin (administration, governor, deputy, document, economy, emperor, colonist, denomination, religion, ritual), from French (gendarme, industry, mandate, memoirs, minister, party, reform, finance, chief), with Greek (anti-Semite, Archimandrite, Democrat, pathos, autocracy, Christian), from German (agent, agitator), from Polish (power, circle, tradesman).

The development of foreign-language political vocabulary in the English language of the newest period is characterized by significant quantitative and qualitative changes that occur in three main areas:

- replenishment of the lexical composition of the named thematic sphere with new verbal units: word-building neologisms and borrowing neologisms;
- the redistribution between active and passive reserves and the expansion of the reservoir of commonly used political vocabulary;
- semiotic transformations of verbal units.

Lingvo-semiotic changes in the vocabulary of the political sphere of modern times are connected mainly with the following factors:

- with the processes of semantic derivation and the formation of new verbal units of the considered sphere on the basis of metaphorical translations;
- with the processes of semantic calculating and the formation of new meanings in the verbal units of the English language under the influence of the corresponding verbal units of other languages.
- with the processes of removing ideological stratifications and reorientation of nominations, as a result of which the semantic components are lost in the meanings of many verbal signs.

With the growing importance of intercultural foreign language communication, mixing the oral and written forms of modern English, the political text has become a socially acceptable way to express people's evaluative opinions. Certainly, the study of the linguosemiotic characteristics of political foreign language vocabulary, the establishment of the basic properties and characteristics of this linguosemiotic phenomenon, are of particular relevance in modern science.

1. Бондарец О. Э. Иноязычные заимствования в речи и в языке: лингвосоциологический аспект / под ред. Г. Г. Инфантовой. – Таганрог: Изд-во Таганрог, гос. пед. ин-та. – 2008. – 144с.
2. Крючкова Т. Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. – М.: Наука, 1991. – 153 с.
3. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256 с.

РАЗДЕЛ II. КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бабошко Е.Ю.

Экспликация проблемы современности. Общефилософский и историко-культурный подходы

Томский государственный университет
(Россия, Томск)

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-07

idsp: spub-26-11-2018-07

Введение

Несмотря на разницу в понимании современности в эпоху Просвещения, когда под современностью понимали принадлежность возникающему новому, прогрессивность и идеал существования современного европейского человека, и в сегодняшнем мире, когда в условиях множась образы мира современность приобретает свойство событийности и определяется совпадением события и информации о нем, попытки эксплицировать проблему современности приобретают особую актуальность. Это связано с основной культурной тенденцией нового времени, заключающейся в стремлении направить культурный процесс по пути развития индивидуальности и поиска новых форм взаимоотношений, позволяющих мирно сосуществовать в условиях возникновения современного общества коммуникации и массовой информации, распространения всевозможных культур и субкультур, образов морали и концептов существования, а также развития технологий, делающих реальность все более фрагментарной и мозаичной.

На основании ракурса при рассмотрении понятия «современность» и экспликации проблемы современности, а также опираясь на позицию современного философа и теоретика искусства Б. Гройса, который делает акцент на логике современности как перекрестке изобретающего ее искусства и культурно-исторической динамики [4], мы допускаем возможность рассмотрения множества вариантов с точки зрения разных подходов, которые, основываясь на их содержательном компоненте, можно условно определить, как общефилософский и историко-культурный.

Цель данной статьи заключается в том, чтобы доказать необходимость применения разных подходов в экспликации проблемы современности, через рассмотрение и анализ содержания охватываемых концепций.

Общефилософский подход в экспликации проблемы современности Прежде всего, надо сказать, что в рамках общефилософского подхода, современность рассматривается, во-первых, как *историческая ситуация* (духовная ситуация времени), при условии, что историю можно рассматривать как последовательный ряд сменяющихся исторических ситуаций, и, в свою очередь, определение современности как исторической ситуации предполагает ее привязку к определенному событию или событиям, которые стали переломными, обозначив переход от одной исторической ситуации к другой. Характерным примером является концепция немецкого философа О. Шпенглера, который, изучая своеобразие мировых культур и основываясь на признании качественного многообразия процессуальностей и времен, присущих различным социальным общностям, логически пришел к представлению о сосуществующих и взаимосвязанных современностях различного типа, уровня и масштаба [9, с. 561].

Во-вторых, в рамках данного подхода современность ассоциируется *со свободой от безоговорочного диктата традиций и патернализма власти*, со свободой суждений и выбора, с динамизмом общественных процессов, противопоставляемых традиции (Г.

Гегель, Ф. Ницше); проблематика современности в этом случае раскрывается через ее ценностное определение. Например, у представителя немецкой классической философии, Г. Гегеля, которому принято отдавать пальму первенства в обращении к проблематике изучаемого понятия, современность заявляет себя как двуединая проблема субъективной свободы и общественного порядка [2, с. 159]. У Ф. Ницше идея современности определяется, в соответствии с идеями с духом своего времени, через принятие абсолютной творческой свободы личности (великих, гениальных представителей общества), которые руководствуются субъективной свободой и интенцией к формированию новых эстетических идеалов в соответствии с исторической динамикой [8].

В-третьих, в рамках данного подхода современность рассматривается как индивидуальная рефлексия, *субъективное восприятие реальности индивидом*. Одной из наиболее интересных в этом ракурсе представляется идея М. Хайдеггера, который раскрывает проблему бытия через интерпретацию особого вида бытия (*нем. Dasein* – «тут-бытия»), переосмысляющего трансцендентальную субъективность Э. Гуссерля [1, с. 369-371.]. Согласно Хайдеггеру, идея современности раскрывается через субъективное понимание человеком присутствия в текущий момент времени, «расположенности» в нем, исходя из первичности эмоционально-практического отношения человека к миру [1].

В других концепциях в этом подходе современность понимается как момент настоящего, описываемого характеристикой присутствия, в его противоположности отсутствию (Деррида), особый род отношений с постоянно меняющимся настоящим, сочетающий в себе близость и отстраненность (Агамбен), динамический процесс эволюции институтов (Гидденс), эпистема, представляющая собой совокупность объективных категорий, неких историко-познавательных априори, которые определяют возможности мнений, теорий, наук в различные исторические периоды (Фуко). К общефилософским можно также отнести истолкования, обусловленные спецификой постмодернистского дискурса и подразумевающие неразрывную связь современности с идеями свободы, дерегуляции, индивидуализации задач, стоящих перед современным человеком (Лиотар, Хассан).

Однако, опираясь на размышления искусствоведа и философа современного искусства Б. Гройса, интерпретирующего философские воззрения предшественников, и основательно теоретизирующего вопрос конструирования идеи современности в искусстве, мы приходим к пониманию, что целостное представление о современности невозможно без привлечения определений из области искусства, в которой оно фактически конструируется через его способность улавливать и передавать «присутствие наличного» таким образом, что это наличное не обуславливается традициями прошлого или стратегиями, нацеленными на успех в будущем [4].

Современность через призму сферы искусства

Основываясь на представлении, что универсальная значимость содержания искусства оправдывается тем, что искусство выступает как источник познания, духовного обогащения и формирования мировоззрения личности, а также основание для выстраивания системы ценностей, можно утверждать, что представление о современности как категории соответственно формируется в области искусства. Здесь уместно привести одно из высказываний Ницше: «...бытие и мир получают свое оправдание лишь как эстетический феномен» [7, с. 155], подтверждающую видение философа, согласно которому реальным является только сознание человека (мыслителя или художника), которое изобретает свой мир, свою иллюзию и жизнь. Следовательно, все категории, определяющие бытие, включая представление о современности, также обретают реальность в сознании действующего (творческого) субъекта в искусстве.

Кроме того, художественный образ, создаваемый в процессе художественного творчества, направленного на практически-духовное освоение действительности, при

участии мысли, воображения, фантазии, переживания, вдохновения, интуиции художника, содержит в себе интенцию (сознательно или бессознательно) воздействия на публику, часто выраженную в форме многозначности или недосказанности, тем самым предполагая сложный процесс соучастия и сотворчества воспринимающего субъекта, благодаря многообразию вариантов истолкования произведения искусства.

Мы также находим доказательство этому в философии Гройса, который аргументирует взаимосвязь культурных и социально-исторических процессов влиянием художественных стратегий в искусстве на динамику процессов в обществе. Интерпретируя модернистский дискурс через ницшеанскую волю к власти как переопределяющий логику нового времени, включая пересмотр системы общественных и индивидуальных ценностей [5, с. 334], рассуждая о постмодернистском стремлении рефлексивно трансформировать созданное в прошлом, задавая новое представление о традиционном [4], Гройс доказывает наше предположение о возможности экспликации проблемы современности через фильтр художественной деятельности.

Историко-культурный подход в экспликации проблемы современности

Второй, историко-культурный подход объединяет варианты истолкования, в которых современность характеризуется через призму формирования представлений о ней в области искусства, как своеобразная художественно-эстетическая реакция культуры на преобладание в ней устаревших тенденций.

Одним из первых к проблеме современности в искусстве через определение романтизма в его связи с современным искусством приходит французский поэт и критик XIX в. Ш. Бодлер. Он дает современности применительно к искусству теоретическое обоснование, согласно которому она воплощает собой «парадоксы времени, осознавшего свою поразительную новизну по сравнению с предыдущими этапами переживания современности» [6]. При этом, согласно М. Калинеску, важным представляется то, что восприятие нового времени как особенно богатого и утонченного в отношении создаваемого в области искусства приводит Бодлера к новому пониманию современности как идеи. Для него современность в значительной степени утратила свою описательную функцию и больше не могла служить критерием для вычленения из исторического процесса сегмента, который может быть убедительно определен как настоящее и в этом качестве подвергнут сравнению с прошлым [6]. Важность позиции Бодлера, с нашей точки зрения, определяется, во-первых, его отрицанием возможности сравнения современности с чем-либо в прошлом, так как под современностью Бодлер подразумевает настоящее в его «чистых наличии и сиюминутности». Во-вторых, добавлением императивности к понятию «современность», в соответствии с чем, согласно Калинеску, Бодлер подразумевает, что искусство должно быть современным. В-третьих, дуалистичным видением вечной красоты и новой красоты, в свете которого современность становится «духовным приключением», с «выявлением поэтики, скрытой за поражающими воображение контрастами социальной современности» [6]. С нашей точки зрения, взгляды Бодлера сформировали базу для развития понимания конструирования идеи современности в области искусства.

В этой связи также интересно привести размышления Гройса о наличии взаимодополняющей связи между современностью (реальностью) и искусством (музеем), в рамках которых он развивает представление о новизне и динамичности момента, репрезентирующего идею современности, заявляя, что искусство не является вторичным (простым отражением и документацией) по отношению к реальности, доказывая это тем, что понимание современным человеком реальности (текущего момента, «тут-бытия») напрямую зависит от рефлексии искусства (того, что находится в музее) [4]. Хотя подобная интерпретация проблемы нового, на первый взгляд, противоречит убеждениям эстетики раннего авангарда, считавшего, что все новое может и должно быть создано через разрушение и забвение старого, отжившего,

традиционного, Гройс доказывает правомерность своей позиции, утверждая, что репрезентация искусства в музее – собранного, сохраненного – придает ему статус прошлого, т. о. образом, противопоставляя его еще не созданному, не собранному, не сохраненному, не представленному, и определяя невозможность, или не востребованность, воспроизведения прошлого. Таким образом, опираясь на рассуждения Гройса, мы приходим к пониманию, что новое (современное) создается в искусстве, исходя из невозможности повторить то, что уже было. И в этом мы усматриваем развитие идей Бодлера, который отвергал возможность сравнения современности с чем-либо в прошлом и наделял современность императивностью, подразумевая, что искусство должно быть по сути современным.

В свою очередь, представитель «второго поколения» теоретиков Франкфуртской школы Ю. Хабермас в рамках постмодернистского дискурса отождествляет современность с незавершенностью, характеризуя качественную определенность современного общества и культуры как процесс «незавершенного модерна» [11, с. 207]. Наделяя понятие современности рефлексивными качествами, Хабермас определяет ее с точки зрения необходимости переосмысления и переоценки инициатив модерна, и предлагает считать современным то, что способствует объективному выражению спонтанно обновляющейся актуальности духа времени [12, с. 16]. Кроме того, считая идею современности неотделимой от сферы искусства, Хабермас заявляет, что «проблема построения современности, исходя из нее самой, возникает в сознании, прежде всего в области эстетической критики» [12, с. 17]. Он аргументирует свою позицию тем, что придерживается понимания современности как синонимичного концепции постмодерна, в основе которого лежит рефлексия эстетики модерна, приобретающая актуальное звучание при условии разграничения сферы искусства и жизненной практики, связанной с возникновением интереса (максимизации выгоды).

В подтверждение этому, мы находим у Гройса ассоциирование идеи современности с проживанием момента в его полноте и незавершенности, обусловленное тем, что современность «фактически конституируется сомнением, колебанием, неуверенностью, нерешительностью, потребностью в длительном размышлении – потребностью в отсрочке», вследствие чего современность понимается как «продленное, даже потенциально бесконечное время отсрочки» [3, с. 80].

Немецкий философ и историк культуры В. Беньямин определяет в своей философской позиции настоящее как становление во времени, приход к некоему состоянию, которое подразумевает осмысление опыта невозвратного прошлого в текущий момент. Развивая свою идею, он дает соответственное определение современности в искусстве, согласно которому она проявляется в трансформации представлений аудитории о прошлом и будущем. Аргументируя свою позицию тем, что современность (со-временность) не относится к истории и знанию как к детерминированным понятиям в их претензии на неизменность, Беньямин утверждает, что быть современным значит замечать не только изменчивое течение времени, но и неизбежную изменчивость и историчность нашего восприятия и того, как мы сами его теоретически осмысливаем [10].

Гройс интерпретирует эту позицию, рассуждая о проблеме соотношения оригинала и копии в современном искусстве вместе с отношением копии к моменту происхождения произведения искусства, и, как следствие, приходя к экспликации идеи современности через момент изменения статуса объекта и приобретения им нового значения. Полемизируя с Беньямином, в понимании которого современность конструируется посредством массового воспроизводства, а не создания чего-то принципиально нового, Гройс приходит к весьма интересному выводу, согласно которому, на первый взгляд, не имея связи с моментом происхождения, лишенная аутентичности (принадлежности к моменту «здесь и сейчас») копия произведения может приобрести свойства оригинала, если ее поместить в фиксированный контекст

произведения современного искусства с его топологически четко определенным «здесь и сейчас» (в частности, инсталляции) [4].

В заключение можно сказать, что объединение множества вариантов экспликации проблемы современности рамками двух обобщающих подходов (общефилософского и историко-культурного) позволило сосредоточиться на ракурсе при изучении предмета исследования. При этом, стало очевидно, что раскрытие проблемы современности не может считаться всесторонним без привлечения определений в области искусства, в которой формируется представление о современности как идее, с ее непосредственным отношением к категории восприятия и суждениям вкуса.

1. Гайденок П.П. Прорыв к трансцендентному: Новая онтология XX века. М.: Республика, 1997. – 495 с.
2. Гегель Г. В. Феноменология духа. / Пер. с нем. Г. Г. Шпета ; Под ред. М. Ф. Быковой. М.: Наука, 2000. – 495 с.
3. Гройс Б. Политика поэтики. М.: Ад Маргинем Пресс, 2012. – 401 с.
4. Гройс Б. Топология современного искусства / Художественный журнал № 61-62, 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://moscowartmagazine.com/>
5. Гройс Б. Утопия и обмен. М.: Знак, 1993. – 374 с.
6. Калинеску М. Идея современности. // Художественный журнал №98, 2016 [Электронный ресурс]. – URL: <http://moscowartmagazine.com/>
7. Ницше, Стихотворения. Философская проза. СПб.: Художественная литература, 1993. – 628 с.
8. Ницше Ф. Полное собрание сочинений: В 13 томах / Т. 12: Черновики и наброски 1885 - 1887 гг. / Пер. с нем. В. М. Бакусева; Науч. ред. С. В. Казачков. – М.: Культурная революция, 2005. – 560 с.
9. Новая философская энциклопедия: В 4 томах / Научно-ред. совет В. С. Степин (предс.) [и др.]. М.: Мысль, 2010. Т. 4. – 736 с.
10. Радикальная педагогика: уроки В. Беньямина. Материалы круглого стола. Ч. 1. // Моск. книж. журнал. 2012 [Электронный ресурс]. – URL: <http://morebo.ru/>
11. Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. – 224 с.
12. Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. М., 2005. С. 16-19.

РАЗДЕЛ III. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Сейтмететова Э.А.

Педагогическое обеспечение процесса формирования коммуникативной компетентности дирижера-хормейстера

ГБОУВО РК КИПУ

doi: 10.18411/spc-26-11-2018-08

ids: spub-26-11-2018-08

Актуальность исследования. Современная система общего и профессионального музыкального образования определяет музыкальное искусство как полифункциональное явление, которое обладает огромным потенциалом в духовном становлении и развитии личности.

Благодаря своей художественно-коммуникативной природе, музыка не только включается в процесс человеческого общения, но и является незаменимым средством, с помощью которого организуются межличностные контакты участников художественной коммуникации.

Анализ литературы. Особый интерес для нас представляли работы в области философии и теории музыки о взаимосвязи содержательной и коммуникативной функций музыкального искусства, о закономерностях и средствах его художественного воздействия (Б. В. Асафьев [1], В. В. Медушевский [5], Е. В. Назайкинский [6], В. Н. Холопова [8] и др.); работы по психологии музыкально-исполнительского (прежде всего дирижерского) творчества, где освещены особенности общения музыканта-исполнителя со слушателями и друг с другом, в частности, специфика взаимодействия дирижера-хормейстера с хоровым коллективом на основе сотрудничества в процессе анализа, разучивания и исполнения произведений (Л. Л. Бочкарев [2], Г. А. Дмитриевский [3], Г. Л. Ержемский [4], В. И. Петрушин [7], Г. М. Цыпин [9], и др.).

Цель статьи - заключается в разработке научно-теоретических и методических основ формирования коммуникативной компетентности дирижера-хормейстера в период его профессионального обучения в вузе.

Основное содержание статьи. Вокально-хоровая работа – многоплановая деятельность, в которой дирижер осуществляет планирование, прогнозирование, моделирование и оценку как общих и частных результатов, так и хода выполнения деятельности, а также выбор наиболее оптимальной тактики и методики разучивания хорового произведения. Следовательно, использование управленческих умений и навыков коммуникативной направленности является залогом успеха профессиональной деятельности дирижера.

Хоровое пение – это довольно сложный и одновременно увлекательный художественно-творческий процесс, в силу чего управление хоровым пением должно опираться на основы общей теории управления и учитывать закономерности организации и особенности руководства художественным творческим процессом. Рассмотрим, какие же организационно-смысловые требования вносит теория управления в организацию исследуемого нами процесса [7, с.96].

Согласно данной теории, наиболее эффективен *комбинированный* тип управления, при котором, управляющая деятельность содержит два этапа – подготовительный и исполнительский. Подготовительный этап предусматривает предварительное, четкое планирование художественно-творческого процесса, прогнозирование его хода и возможных отклонений.

Руководство вокально-хоровой деятельностью можно отнести к комбинированному типу. С одной стороны, заранее составленный план определяет основное направление вокально-хоровой работы, ее цели, задачи, основные педагогические воздействия. С другой стороны, действия дирижера (как музыканта-исполнителя и как руководителя) корректируются в зависимости от той или иной возникающей в дирижерско-хоровой практике ситуации.

Управление *хоровым* коллективом, звучанием произведения, слушательским вниманием придает коммуникативной деятельности дирижера-хормейстера характер непрерывного творческого процесса, в котором специалисты (В. А. Кан-Калик и др.) выделяют ряд взаимосвязанных между собой этапов [4].

На первом из них, дирижер-хормейстер моделирует предстоящее общение исполнителей с музыкой, друг с другом. Осуществляется это в единстве с прогнозированием последовательности вокально-хоровой работы, методов и приемов формирования вокально-хоровых навыков, активизации деятельности участников хора. Следующий – второй этап, связан с организацией непосредственного общения дирижера-руководителя с хором и его участников между собой в момент разучивания или концертного исполнения музыки. На третьем этапе, происходит активное управление художественно-творческим общением, а на последнем – четвертом, осуществляется анализ решения художественно-коммуникативных (профессиональных или учебно-профессиональных) задач. *Каждый* из этапов предполагает проявление дирижером-хормейстером определенных знаний, умений и качеств личности, связанных с художественно-коммуникативной практикой.

Одной из важных функций управляющей деятельности дирижера-хормейстера является, согласование исполнительских действий хористов на основе творческих установок. Управляя коллективом исполнителей, дирижер стремится объединить их вокруг своей художественной концепции, выработать у них единое ощущение характера, тембра, динамики и драматургии произведения. Сами участники хора идут к той же цели, помогая дирижеру в создании единой «по духу» атмосферы творческого общения, согласованности исполнительских устремлений [10, с. 19].

Таким образом, разработка целенаправленного и последовательного руководства вокально-хоровой работой требует от дирижера не только свободного владения приемами внешнего плана действий и навыка их последовательного выполнения в каждом цикле управления, но и глубокого понимания сущности самого вокально-хорового процесса, его специфики, умения прогнозировать и диагностировать возникающие в нем коммуникативные и другие художественно-творческие ситуации.

В условиях профессионального обучения формирование коммуникативных и управленческих умений и навыков будущего дирижера-хормейстера осуществляется во всех видах его учебно-творческой деятельности, включая анализ произведения, разработку репетиционного плана, вокально-дирижерскую работу над хоровыми партиями и т.д. [6, с.79].

Репетиционный план предполагает планирование занятия (репетиции), постановку задач на каждый этап работы, определение методов и приемов организации, руководства, контроля и коррекции вокально-хоровой звучности, моделирование возможных трудностей на различных этапах работы с хором.

Вокально-дирижерская работа над хоровыми партиями предусматривает использование коммуникативных и управленческих умений и навыков, способствующих вариативности дирижерских приемов в зависимости от актуальных в данный момент музыкально-исполнительских задач.

Особое внимание при конкретизации содержательных и процессуальных сторон исследуемого нами процесса уделялось выдвиганию и обоснованных принципов его осуществления, среди которых:

- принцип учета специфик профессиональной деятельности дирижера-хормейстера;
- принцип контекстуальности в организации музыкально-исполнительского общения;
- принцип индивидуально-творческой направленности [5].

Выделение этих принципов продиктовано их особой ролью в реализации поставленных в диссертационном исследовании задач, в создании таких педагогических условий, при которых процесс формирования коммуникативной компетентности будущего дирижера-хормейстера обретает необходимую целенаправленность, глубину и эффективность [7, с. 70].

Выдвижение первого из этих принципов - *принципа учета специфики профессиональной деятельности дирижера-хормейстера* обуславливается требованиями о необходимости «выведения» форм и методов работы на основе учета музыки и специфики дирижерско-хормейстерской деятельности.

Характеризуемый принцип указывает на то, что в организации процесса формирования профессионально ориентированной коммуникативной компетентности следует исходить из эмоционально-эстетической природы музыки. С позиции характеризуемого принципа исследуемый процесс во всех своих аспектах должен предусмотреть именно художественно-эстетический способ организации учебно-творческой, в том числе — коммуникативной деятельности будущих дирижеров-хормейстеров, устанавливающий единство рационального и эмоционального, художественного и технического.

При выдвижении в нашем исследовании принципа *контекстуальности в организации музыкально-исполнительского общения* мы исходили из того, что исследуемый процесс профессионального обучения должен обеспечивать постоянную социокультурную ориентацию дирижера-хормейстера, осуществляемую через погружение его в широкий социально-психологический и социально-художественный контекст дирижерско-исполнительской деятельности. Успешная реализация этого принципа, как мы считаем, предусматривает обращенность всего спектра художественно-педагогических средств и методов на формирование у студентов способности к соотнесению содержания учебных дисциплин (не только специальных) с будущей практической деятельностью в области дирижерско-исполнительского искусства, осознанию их значимости для решения профессионально-значимых задач [8].

Принцип *индивидуально-творческой направленности*, обуславливается специфическим содержанием дирижерско-исполнительской деятельности, а также требованием современной педагогики музыкального образования о важности и необходимости обращенности этого процесса к личности будущего специалиста, о необходимости проявления им личностноценностного отношения к процессу познания и исполнения музыки. Прежде чем перейти к выяснению функций данного принципа, уточним суть самого понятия «индивидуальность» [5, с. 25].

В соответствии с принципом индивидуально-творческой направленности исследуемый процесс должен предусматривать такие условия, при которых значительно возрастает активность будущего дирижера-хормейстера, расширяется диапазон его возможностей в творческой самореализации.

Характеризуемый принцип в организации исследуемого процесса обучения предусматривает опору, как на уже имеющийся художественнокоммуникативный опыт будущего исполнителя, так и на его стремление к последовательному обогащению этого опыта [10, с. 200].

В содержание педагогического обеспечения исследуемого процесса нами были включены специальные методы:

- метод анализа и интерпретации художественно-коммуникативных приемов в музыкальном произведении;
- метод создания ситуаций эстетического переживания;
- метод художественно-коммуникативного диалога.

Каждый из выделенных нами методов носит художественно-творческий характер, самым непосредственным образом отвечает специфическим особенностям профессиональной деятельности дирижера-хормейстера, интегрирует в себе ее структурные компоненты, связан с личностью студента и педагога. По своей функции данные методы призваны активизировать все стороны личности будущего специалиста эмоционально-волевою, художественно-интеллектуальную, духовно-нравственную. Главный сущностный их признак – то, что они связаны с художественно-коммуникативной деятельностью будущего дирижера-хормейстера, содействуют ее активизации и последовательному развитию.

Ранее нами уже отмечалось, что постижение коммуникативных приемов музыки, их дирижерская интерпретация способствуют более полноценной подготовке дирижера к общению с хоровым коллективом через музыку. В этом случае, общение с исполнителями происходит по законам самого музыкального искусства. На этом основании, нами был выделен метод *анализа и интерпретации художественно-коммуникативных приемов в музыкальном произведении*, который как раз и призван обеспечивать успешное решение обозначенной задачи. Характеризуемый в качестве метода анализ предполагает выявление коммуникативного потенциала хорового сочинения, который, согласно теории В. В. Медушевского, представлен совокупностью особых коммуникативных приемов [6, с.205].

Характеризуемый анализ, начинается уже на этапе работы над партитурой, где дирижеру необходимо сделать анализ формы сочинения, определить кульминацию и подход к ней, найти темп, длительность пауз и фермат, решение каждого фрагмента, исходя из плана целого, продумать фразировку и характер звучания произведения. Именно здесь, должна хорошо срабатывать «аналитическая система» дирижера-руководителя, который в силу своей большей искушенности в конкретизации коммуникативных подробностей умеет точно их определить.

К таким подробностям, помогающим прояснить форму произведения, дирижеры относят моменты дыхания, произнесения слов, совпадения вершин логических с вершинами музыкальными, нюансировка, соответствие выбранного темпа замыслу; выявление строения музыкальной фразы, показ ее кульминации и смысловых связей с другими фразами и мотивами; выявление динамики движения, устойчивости сильных долей, преодоления послогового развития музыки, ощущения перспективы музыкального движения и др [9, с. 201].

Выявление следующего коммуникативного приема - «разного рода вех и ориентиров» имеет большое значение для прояснения формы: помогает понять драматургию сочинения в целом в совокупности структурных и содержательных элементов, выявить общую кульминацию и местные вершины в музыке. Дирижеры видят проясняющую функцию разного рода всех ориентиров в стремлении к опорной точке в мелодической фразе при непрерывности «потока» музыки; в мысленном составлении плана произведения и его исполнения, определения «опорных точек» произведения; в проставлении дополнительных указаний в виде цифр, букв и других указаний в опоре на проставленные авторские ремарки; в умении составить план самой репетиции, найти правильный тон, стратегию и тактику общения, кульминацию в ходе общения с коллективом, то есть, в умении соотнести драматургию произведения с драматургией самого художественно-исполнительского общения по законам самого музыкального искусства [8, с. 56].

Профессионально ориентированная коммуникативная деятельность дирижера-хормейстера по задачам и способам осуществления подчиняется законам художественной логики и имеет, как следствие, эстетическую природу. Сущность данного метода обуславливается эмоционально-эстетической природой музыки и процесса ее исполнения. Следует сразу же отметить, что характеризуемый метод реализуется не на каких-то отдельных, а фактически на всех без исключения этапах взаимодействия дирижера с музыкой и с участниками хора, пронизывает все обучение целиком. В эстетической по содержанию и форме коммуникативной деятельности дирижера-хормейстера должен непременно найти место эффект целесообразного «эмоционального взрыва», который достигается путем «эмоциональной настройки» исполнителей. Данным понятием обычно пользуются в тех случаях, когда речь заходит о подготовке участников хора к общению с музыкальным произведением, предполагающему единовременное и устойчивое эмоциональное состояние. Известно, что сильное эмоциональное переживание, отличающееся, как правило, субъективно-личностным отношением к предмету возбуждения эмоции как к ценности, облегчает процесс проникновения в художественный текст. Выдвигаемый в данном исследовании метод *художественно-коммуникативного диалога* непосредственно обращен к задаче формирования коммуникативной компетентности будущего дирижера-хормейстера и по сущности связан с созданием в исследуемом нами процессе перманентного лично-ценностного, художественно-творческого по характеру общения-диалога между его субъектами [3, с. 78].

Выводы. Итак, рассмотрев педагогическое обеспечение процесса формирования коммуникативной компетентности дирижера-хормейстера, можно утверждать, что широта и многофункциональность дирижерско-хормейстерской деятельности указывают на необходимость формирования у будущих специалистов профессиональной компетентности. Являясь достаточно сложным по содержанию феноменом, профессиональная компетентность дирижера-хормейстера связана с различными сферами его профессионально-творческой практики, где особое место принадлежит профессионально-коммуникативной деятельности.

1. Асафьев, Б. В. Музыкальная форма как процесс: Кн. первая и вторая / Б. В. Асафьев. – Л., 1971. – 312 с.
1. 2. Бочкарев, Л. Л. Психологические аспекты публичного выступления музыканта-исполнителя / Л. Л. Бочкарев // Вопросы психологии. – 1975. – № 1. – С. 68–79.
2. Дмитриевский, Г. А. Хороведение и управление хором / Г. А. Дмитриевский. – М., 1957. – 215 с.
3. Ержемский, Г. Л. Психологические механизмы исполнительских действий дирижера / Г. Л. Ержемский // Психологический журнал. – 1983. – № 2. – С. 18–20.
4. Медушевский, В. В. Интонационная форма музыки / В. В. Медушевский // Исследование. – М., 1993. – 265 с.
5. Назайкинский, Е. В. Звуковой мир музыки / Е. В. Назайкинский. – М., 1988. – 254 с.
6. Петрушин, В. И. Музыкальная психология / В. И. Петрушин. – М., 1977. – 384 с.
7. Холопова, В. Н. Музыка как вид искусства / В. Н. Холопова. – М., 1994. – 258 с.
8. Цыпин, Г. М. Музыкально-исполнительское искусство: Теория и практика / Г. М. Цыпин. – СПб., 2001. – 320 с.
9. Щербакова, А. И. Аксиология музыкально-педагогического образования / А. И. Щербакова; отв. ред. Э. Б. Абдуллин. – М., 2001. – 423 с.
10. Якупов, А. М. Музыкальная коммуникация: дис. ... д-ра искусств / Якупов А. М. – М., 1995. – 370 с.

SCIENCEPUBLIC

Научное издание

**Научные тенденции:
Филология, Культурология, Искусствоведение**

Сборник научных трудов, по материалам
XIV международной научно-практической конференции
26 ноября 2018 г.

SPLN 001-000001-0359-FF

Подписано в печать 12.12.2018. Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.2,07
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович